

**Миражи. Россия. 2045.
Библиофутурологическая лекция**

**Mirages. Russia. 2045.
A bibliofuturistic lecture**

А. В. Соколов

*Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия*

Arcady Sokolov

*St. Petersburg State Institute of Culture,
St. Petersburg, Russia*

Анализируются перспективы развития книжной коммуникации, библиотечного дела, библиографии в контексте футурологических концепций информационного общества, общества знаний, конвергентных технологий, трансгуманистической эволюции и посттехногенной гуманистической цивилизации. Определяется потребность в библиофутурологии как научной дисциплины.

Prospects for book communication, librarianship, and bibliography are analyzed within the context of futuristic concepts of information society, knowledge society, convergent technologies, transhumanistic evolution and post-technogenic humanistic civilization are analyzed

Техногенная индустриальная цивилизация, расцвет которой пришелся на вторую половину прошлого века, не случайно именуется в западных странах «эпохой благоденствия» и «обществом потребления». Социальной реальностью стали высокая производительность труда, новые технологии и материалы, бытовой комфорт, продление жизни, расцвет науки и образования, всемирные информационные и транспортные системы и другие «чудеса техники». XX столетие можно назвать «золотым веком» книжности, когда произошла «революция в мире книг» (Р. Эскарпи), объем ежегодной книжной продукции с 1955 по 1990 гг. вырос в три с лишним раза по количеству названий (с 269 до 842 тысяч)¹, а Россия пользовалась репутацией «самой читающей страны мира». Теперь ситуация иная. В мае 2014 года ВЦИОМ провел очередной всероссийский опрос, который показал, что доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, составляет 36%. (в 2009 г. их было 27%); к услугам городской библиотеки прибегали 10% россиян в 2009 и 8% в 2014 г. Налицо кризис книжного чтения и общедоступных библиотек в постсоветской России, который воспринимается как одно из проявлений дегуманизация и деградации нации.

Что нас ждет в наступившем столетии? Сохранятся ли библиотеки и книжные магазины в России в середине XXI века? В чем могут заключаться гарантии их существования? На эти вопросы должна была бы ответить *библиофутурология* – раздел футурологии, посвященный будущему книжной коммуникации, библиотечного дела, библиографии, короче говоря, будущему книжности. Но библиофутурология – это научный мираж, который пока не обрел осязаемые формы. Делать нечего, рискнем примерить библиофутурологическую мантию.

Прогнозирование постиндустриального будущего – неблагодарное занятие. Поскольку поведение самоорганизующихся социальных систем спонтанно и беспрецедентно, а прогресс в области искусственных технологий непредсказуем, футурологи пришли к выводу о «принципиальной невозможности предсказания количественных и качественных перспектив развития человеческой цивилизации»². В самом деле, тридцать лет назад, в 1985 году абсурдной казалась идея глобальной информационно-коммуникационной среды, образованной в наши дни технологиями сетевой телекоммуникации и Интернета. Тогда почему бы не допустить, что через три десятка лет Земля превратится в один гигантский компьютер, управляемый бессмертными провайдерами, никогда не читающими книг? Подобные допущения можно встретить в десятках прогнозов, фантазий, пред-

¹ Книга. Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 5.

² Сергеев С.Ф. Наука и технология XXI века. Коммуникации и НБИКС-конвергенция // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 159.

сказаний, пророчеств, посвященных чудесным метаморфозам ближайшего будущего. Как назвать эти плоды предвосхищения неведомой реальности: утопия? миф? абсурд? Мне кажется, точнее всего, – мираж.

Мираж (фр. mirage – отражение), как известно, представляет собой оптическое явление в атмосфере, заключающееся в появлении у горизонта более-менее искаженных изображений отдаленных предметов (зданий, деревьев, оазисов и т.д.). Футурологические проекты (фр. футурибли), представляющие собой более-менее отчетливое описание будущих событий, аналогичны природным миражам, поскольку чудесным образом отражают то, что находится где-то за горизонтом времени. Метафорически называя футурибли «миражами», мы хотим подчеркнуть иллюзорность, недостоверность, и, вместе с тем – обманчивую привлекательность этих продуктов творческого воображения. С будущим книжности связаны четыре типа футурологических миражей:

- миражи информационного общества;
- миражи общества знания;
- миражи конвергентных технологий и трансгуманистической эволюции;
- посттехногенные миражи.

Рассмотрим библиофутурологические аспекты миражей перечисленных типов.

1. Информационное общество.

Массив публикаций (научных статей, монографий, сборников докладов, обзоров и т.д.), так или иначе связанных с информационным обществом, поистине необозрим. Сбивает с толку терминологический разнобой: мелькают наименования «сетевое общество», «киберобщество», «электронное общество», «цифровое общество», «постсовременность», «эпоха гибкой специализации», даже «общество плати за все» (Винсент Моско, канадский философ). По-разному понимается соотношение между понятиями «информационное общество», «постиндустриальное общество», «постэкономическое общество», «общество знаний», «общество постмодерна». Некоторые авторы, простоты ради, их отождествляют, другие доказывают, что информационное общество – первая стадия постиндустриального общества, третьи называют общество знаний высшей стадией постмодерна, четвертые считают, что Россия когда-нибудь достигнет кондиций информационного общества, пятые им возражают и т.д. Споры между теоретиками информационного общества не всегда имеют академический характер, зачастую их стимулируют коммерческие расчеты транснациональных корпораций или политические интересы великих держав. Отечественные подходы к интерпретации информационного общества в постиндустриальном, синергетическом и постмодернистском контекстах подробно рассмотрены в статье О.Б. Скородумовой³.

По содержанию концепции информационного общества делятся на историософские и прогностические. Историософские исходят из глобального взгляда на историю человеческой цивилизации, а прогностические ограничиваются рассмотрением конкретного образа информационного общества. Прогностические, в свою очередь, в зависимости от стиля мышления их авторов, подразделяются на технократические, исходящие из принципа технократического детерминизма, и гуманистические, отдающие приоритет гуманистическим идеям⁴. По целевой и читательской направленности различаются две интерпретации будущего информационного общества:

а) адресованная научной общественности *футурологическая интерпретация*, полагающая, что информационное общество – это гипотеза о грядущем постиндустриальном состоянии нынешнего индустриального общества;

б) *рекламно-идеологическая интерпретация*, представляющая информационное общество в качестве места торжества просвещения, свободного творчества, социальной справедливости,

³ Скородумова О.Б. Отечественные подходы к интерпретации информационного общества: постиндустриалистская, синергетическая и постмодернистская парадигмы // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 4 [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Skorodumova/>

⁴ Обзоры концепций информационного общества содержатся в книгах: Соколов А.В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. СПб.: Алетейя, 2012. С. 167–230; Он же. Российские библиотеки в информационном обществе. М.: Литера, 2012. С. 115–207.

которая нацелена на манипуляцию общественным сознанием в интересах рекламодателей (транснациональных корпораций) или государственной бюрократии⁵.

Глубокий и критический анализ сущности информационного общества осуществил И.Д. Тузовский в недавно изданной монографии, посвященной проблематике информационного общества как социального проекта и научной концепции⁶. Автор констатирует, что идея информационного общества является сегодня футурологическим проектом, крупнейшим среди всех политических и экономических проектов современности, который реализуется на государственном уровне в США, странах Евросоюза, Японии, Индии, России. Вместе с тем он характеризует эту идею как «самую большую мечту и самое большое научное заблуждение социологии и философии последних десятилетий». Дело в том, что, по словам И.Д. Тузовского, «наиболее глубинным атрибутом постиндустриального информационного общества» является его «техногенность», которая сочетается с капиталистическими отношениями в глобальных масштабах. В этих условиях возможны только количественные, но не качественные изменения по сравнению с индустриальным капиталистическим обществом. Формирование техногенной инфосферы не гарантирует существенный прогресс в культуре, образовании, науке. Автор с сожалением приходит к выводу, что распространяемая в общественном сознании рекламно-идеологическая интерпретация грядущего процветающего информационного общества есть *мифотопия*, то есть проект будущего, основанный на ложной предпосылке, что якобы возможно кардинальное улучшение жизни общества за счет внедрения достижений ИКТ во все сферы социума. Техногенная информатизация не может благодетельствовать человечество при сохранении нынешнего экономического и политического статус-кво.

Что касается современного российского общества, И.Д. Тузовский называет три парадокса информатизации, которые не позволяют признать современность нормальным информационным обществом. Первый парадокс: прогресс информационных технологий привел к тому, что манипулятивные информационные практики развиваются опережающими темпами по отношению к практикам добросовестного информирования. Второй парадокс: современный человек оказался в ситуации информационной перегрузки, когда объемы поступающей информации превышают его сенсорные и когнитивные способности. Третий парадокс: в образовательных программах гораздо большее внимание уделяется технической, а не гуманитарной стороне информационной культуры, из-за чего пользователи информации не способны оценить ценность, достоверность, правдивость получаемых сообщений. В итоге требовательный исследователь приходит к заключению, что «современное общество является квази (quasi) информационным обществом». Другими словами, футурологический проект информационного общества в нашей стране пока не состоялся, в общественном сознании бытует *мираж*, похожий (квази) на информационное общество.

Предложенный И.Т. Тузовским эпитет «квази» резонно распространить на российскую библиофутурологию. Перспективой информатизации отечественного библиотечного дела является проект Национальной электронной библиотеки (НЭБ), предусмотренный «Основами государственной культурной политики», утвержденными Президентом РФ 24 декабря 2014 г. НЭБ должна представлять собой «единое российское электронное пространство знаний на основе оцифрованных книжных, архивных, музейных фондов». Приоритетом при реализации проекта НЭБ используются техногенные цифровые технологии, которые преобразуют Национальную электронную библиотеку в виртуальное книгохранилище, то есть в *квазибиблиотеку*. Сможет ли квазибиблиотека модернизировать библиотечную сеть России и пробудить в россиянах жажду чтения, я не знаю. Но позволю себе утверждать, во-первых, что в настоящее время НЭБ – это библиотечная деталь в громадном мираже Информационного общества, создаваемом в России в соответствии с долгосрочной Государственной программой (2011 – 2020); во-вторых, реализация проекта НЭБ имеет чрезвычайно важное значение для обеспечения жизнеспособности библиотечного социального

⁵ Соколов А.В. Российские библиотеки в информационном обществе. М.: Литера, 2012. С. 246.

⁶ Тузовский И.Д. Утопия-XXI: глобальный проект «Информационное общество» /Челяб. гос. акад. культ. и искусств. Челябинск, 2014. 389 с. Тузовский, И.Д. Утопия-XXI: глобальный проект «Информационное общество» [Электронный ресурс]. – URL: <http://scipeople.ru/publication/120010/>, режим доступа: свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 07.04.2015)

института в условиях квазиинформационного общества, а также в условиях общества знаний, которое просматривается в недалеком будущем.

2. Общество знаний.

Идея информационного общества приобрела международное признание в 2000 году, когда на Окинаве лидеры «большой восьмерки», в том числе президент Путин, подписали Хартию глобального информационного общества. В Хартии декларировалось: «Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. Перед всеми нами открываются огромные возможности». В декабре 2003 года в Женеве собрался многочисленный (более 10 тысяч человек) Всемирный саммит по информационному обществу, где были приняты «Декларация принципов» и «План действий», развивающие положения Окинавской хартии. В ноябре 2005 г. Всемирный форум на высшем уровне был продолжен в Тунисе, где собрались около 20 тысяч правительственных чиновников и специалистов. Там были приняты «Тунисское обязательство» и «Тунисская программа для информационного общества», где содержались предложения по разрешению ключевых проблем реализации глобального информационного общества.

Идея общества знаний не может похвастаться столь пристальным вниманием государственных деятелей, однако в философско-гуманитарных кругах она обсуждалась весьма интенсивно. В 2005 году был обнародован Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания»⁷, в составлении которого приняли участие ведущие философы и социальные теоретики современности: Ж. Деррида, М. Кастельс, Ю. Кристева, П. Рикёр, Ю. Хабермас и др. В докладе рассматривается перспектива перехода от информационного общества к обществу знания. Авторы доклада отрицают «логику узко-технологического детерминизма» и связывают свою концепцию не только с достижениями технологии, но и с «более широкими социальными, этическими и политическими параметрами». Они исходят из постулата, что информация – инструмент знания, но сама по себе знанием не является, поскольку информация – это товар, который покупается и продается на соответствующем рынке, а знание – общественное достояние, которое должно быть доступно для каждого. Информационно-коммуникационные технологии создают новые возможности для распространения знаний, но, – предупреждают философы-гуманисты, – нам предстоит пройти долгий путь от формирования глобального информационного общества к настоящим обществам знания.

Гуманистическая позиция авторов доклада проявляется в следующих принципах. Во-первых, общество знания мыслится как глобальное и сетевое, но не допускающее насаждаемую машинными технологиями унификацию образа жизни и мышления. Необходимо сохранить многообразие и многоязычие народных культур. Именно поэтому в докладе говорится не об одном, эталонном «обществе знания», а о многих «обществах знания», каждое из которых располагает собственными преимуществами. Во-вторых, озабоченность духовным развитием индивидуальной личности, чтобы каждый человек свободно ориентировался в потоке информации и отличал полезную информацию от бесполезной. Отсюда девиз «образование для всех на протяжении всей жизни». В-третьих, ликвидация социального и международного неравенства в доступе к знаниям. Причем авторы отдают себе отчет, что «большинство населения мира, прежде всего, испытывает нужду в книгах, школьных учебниках и острой нехватку преподавателей, а уж потом нуждается в компьютерах и доступе к Интернету». В-четвертых, утверждение унаследованных от века Просвещения прав человека, включая свободу выражения мнения, свободу информации, право на бесплатное базовое образование, право свободно участвовать в культурной жизни общества и в научном прогрессе. В-пятых, авторы убеждены, что знание нельзя превращать в товар, поэтому чрезмерная коммерциализация доступа к знаниям рассматривается ими как серьезная угроза для человечества. Эти гуманистические принципы хорошо согласуются с культурно-просветительной миссией, традиционно выполняемой библиотечной системой.

---

⁷ К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. – 240 с.

Значение доклада заключается не только в том, что он привлек внимание мирового сообщества к негативным следствиям коммерческой информатизации и стимулировал дискуссию вокруг сути «общества знаний»⁸. Более важным, чем схоластические споры, представляется гуманистический пафос доклада, стремление преодолеть технократическую односторонность, которой страдает большинство публикаций об информационном обществе. С точки зрения библиофутурологии, мираж общества знания является наиболее привлекательной перспективой, предусматривающей использование гуманистического культурного наследия человечества и разумное сочетание традиционных книжных коммуникаций с цифровыми информационными сетями.

3. Конвергентные технологии и трансгуманистическая эволюция.

Пожалуй, наиболее экзотичным, говоря языком синергетики, «странным аттрактором» выглядит мираж конвергенции, скрещивания нано-, био-, информационных и когнитивных (НБИК) технологий. Как осуществляется конвергенция? Нанотехнология, оперируя на атомно-молекулярном уровне, обеспечивает создание материала любого типа и любого применения. Присоединяя биотехнологии, получается гибридная биоорганическая конструкция. Информационные технологии служат для того, чтобы биоорганическую конструкцию превратить в интеллектуальную систему, а задача когнитивных технологий вооружить интеллектуальную систему алгоритмами мышления, подобными естественным алгоритмам или превосходящими их. Конвергенция понимается не как комплексирование известных технологий, а как взаимопроникновение знаний и методов, полученных в области изучения физической субстанции, живой природы и человеческой духовности. Здесь речь идет об основах мироздания и о сущности человечности. Актуальность конвергентных технологий обусловлена не столько бескорыстной жадностью знания, сколько экологическими, антропологическими, экономическими, геополитическими, духовными кризисами техногенной цивилизации. Все эти кризисы имеют отношение к будущему книжности, следовательно, библиофутурология не может игнорировать мираж НБИК-технологий и вытекающие из него следствия. Одним из таких следствий является идея *трансгуманизма*. Трансгуманисты утверждают, что современный человек не является вершиной, а, скорее, – началом эволюции рода человеческого. Они рассчитывают с помощью конвергентных технологий выйти за считающиеся сейчас естественными человеческие кондиции, вплоть до искусственного выращивания бессмертного «постчеловека». Познакомимся с «постчеловеческими» миражами.

В 2012 году заявило о себе Стратегическое общественное движение «Россия 2045», организованное миллиардером Дмитрием Ицковым (род. 1981 г.). В Движении принимают участие авторитетные российские ученые в области философии, синергетики, искусственного интеллекта, нейрофизиологии, биологии и психологии – В.С. Стёпин, В.И. Аршинов, Д.И. Дубровский, В.Е. Лепский, В.Ф. Петренко, А.П. Назаретян, С.Ф. Сергеев, В.Л. Дунин-Барковский и др. Футурологические сценарии техногенной цивилизации представлены в сборнике статей, подготовленных участниками Движения, – «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. М., 2013. 272 с.».

Участники движения не только пишут книги и статьи, но и непосредственно конструируют обитателей грядущей России. Так, на международном конгрессе, состоявшемся в июне 2013 г. в Нью-Йорке, были продемонстрированы некоторые результаты технического проекта «Аватар», который ставит задачи:

- 1) Конструирование антропоморфных роботов-аватаров (искусственных тел);
- 2) Создание систем дистанционного управления аватарами с эффектом присутствия;
- 3) Разработка интерфейсов «мозг–компьютер» для мысленного управления аватаром.

В проекте предусмотрены четыре этапа:

⁸ См., например: Ефременко Д.В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 49–61; Опенков М.Ю. Хакни будущее: введение в философию общества знаний: Курс лекций для философских факультетов. – М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. – 128 с.; Плотинский Ю.М. Проблемы развития общества знаний: социокогнитивный подход // Информационное общество. – 2008. – № 5–6. – С. 43–50.

Этап А (2015–2020 гг.) – будут созданы искусственные органы человеческого тела и органы чувств, новые человеко-компьютерные языки для взаимодействия людей и машин, а также дистанционно управляемое искусственное тело.

Этап Б (2020–2025 гг.) – в искусственное тело можно будет пересаживать мозг. По мнению некоторых ученых, мозг способен жить намного дольше, чем тело, – лет до двухсот-трехсот. Соответственно, человек с синтетическим организмом сможет прожить столько же.

Этап В (2030–2035 гг.) – будет разработана методика по переносу нематериальной структуры человеческого сознания в искусственное тело.

Этап Г (2040–2045 гг.) – появится некое виртуальное тело-голограмма.

Участники проекта считают, что даже «недоделанные» аватары будут очень полезны человечеству. Их можно использовать для реабилитации инвалидов, замещения людей на вредном производстве, для освоения космоса, а также для туризма «с технологией телеприсутствия»⁹.

Движение «Россия 2045» не является экзотическим исключением в мировой футурологии. Получили широкое распространение прогнозы Рея Курцвейла – технического директора компании Гугл. Рей Курцвейл не мечтатель-фантаст, а активный исследователь в области искусственного интеллекта и заслуженно пользуется репутацией самого авторитетного технологического футуролога. Если собрать все прогнозы, сделанные им в течение последних 20 лет в книгах, лекциях, интервью, получается следующая последовательность событий¹⁰:

2020 – персональные компьютеры достигнут вычислительной мощности человеческого мозга, а беспроводной доступ в Интернет покроет 85% поверхности Земли;

2022 – в США и Европе будут приняты законы, регулирующие отношения людей и роботов. Деятельность роботов, их права и обязанности будут нормализованы;

2025 – появится массовый рынок гаджетов-имплантантов;

2027 – персональный робот, способный на полностью автономные сложные действия, станет столь же привычным, как холодильник или кофеварка;

2031 – 3D-принтеры для распечатки человеческих органов будут использоваться в больницах любого уровня; нанороботы начнут доставлять питание к клеткам человека и удалять отходы;

2033 – самоуправляемые автомобили заполнят дороги;

2036 – посредством биотехнологии человечеству удастся перепрограммировать клетки на лечение болезней, а использование 3D-принтеров позволит повсеместно выращивать новые ткани и органы;

2037 – гигантский прорыв в понимании тайны человеческого мозга. Некоторые из алгоритмов мозга будут расшифрованы и включены в нейронные сети компьютеров;

2038 – появление роботизированных людей, продуктов трансгуманистических технологий. Они будут оснащены дополнительным интеллектом, ориентированным на определенную узкую область знания, и разнообразными опциями-имплантантами – от глаз-камер до дополнительных рук-протезов;

2039 – наномашинки будут вставляться прямо в мозг и осуществлять произвольный ввод и вывод сигналов из клеток мозга. Это приведет к виртуальной реальности «полного погружения», которая не потребует какого-либо дополнительного оборудования;

2040 – поисковые машины будут управляться не только речью, но и мыслями, благодаря гаджетам, внедренными в человеческий организм; результаты поисковых запросов будут выдаваться на экраны очков или линз;

2042 – первая потенциальная реализация бессмертия – благодаря армии нанороботов, которая будет дополнять иммунную систему и «вычищать» болезни;

2043 – человеческое тело сможет принимать любую форму, образуемую большим числом нанороботов. Внутренние органы будут заменяться кибернетическими устройствами гораздо лучшего качества;

2044 – небиологический интеллект станет в миллиарды раз более умным, чем биологический;

⁹ Сможет ли миллиардер Ицков сделать людей бессмертными к 2025 году // Российская газета. 2013. 27 июня.

¹⁰ <http://slon.ru/insights/1213655>. Доступ 11.04.2015

2045 – наступление технологической сингулярности. Земля превратится в один гигантский компьютер.

Разумеется, в трансгуманистических сценариях как отечественных, так и зарубежных футурологов, нигде и никогда не упоминается о книге, чтении, библиотеке, о проблемах познания, понимания, обучения. В самом деле, если имплантированный гаджет может сделать восьмилетнего мальчика, без всяких усилий с его стороны, умнее, чем вся современная Российская академия наук, вместе взятая, то зачем в 2045 году содержать школы и библиотеки и, тем более, заставлять детей учить наизусть таблицу умножения и «Песнь о вешем Олеге»? Вопрос риторический, потому что в обществе бессмертных продуктов конвергентных технологий (НБИКС) вообще не может быть ни «восьмилетних мальчиков», ни седовласых академиков. Получается, что всего через три десятилетия, в 2045 году наступит финал рода человеческого, ибо проблемы рождаемости, воспитания и обучения новых поколений утратят актуальность, а литературная классика будет считаться «безумным суеверием». Такой прогноз не мираж, а кошмарная антиутопия, с которой бессмысленно соглашаться и еще глупее опровергать.

4. Посттехногенная гуманистическая цивилизация.

Антиподом постчеловеческих футуриблей являются миражи гуманистического толка, первооткрывателями которых являются концепции ноосферы В.И. Вернадского и П. Тейярда де Шардена. В наши дни проблематику ноосферологии разрабатывают А.Д. Урсул¹¹ и В.С. Стёпин¹². Остановимся на концепции посттехногенной цивилизации Вячеслава Семеновича Стёпина (род. 1934), одного из выдающихся современных философов, универсальная эрудиция которого распространяется на антропологию и философию, социально-гуманитарные и естественные науки, диалог культур в глобализирующемся мире и типы цивилизаций. Поэтому его понимание перспектив развития человечества обладает панорамностью и достоверностью, свойственными мыслителям историософского склада. В.С. Стёпин различает три типа цивилизаций: традиционные, техногенные и посттехногенные. Традиционные цивилизации представляют Древняя Индия и Китай, Древний Египет, а также некоторые государства современного третьего мира. Техногенные цивилизации начали формироваться в XV – XVII столетиях в европейском регионе. Посттехногенная цивилизация мыслится как перспектива развития человечества.

Техногенная цивилизация существует чуть более 300 лет, но она показала себя очень динамичной и агрессивной. Сталкиваясь с традиционными обществами, она подавляет и буквально поглощает их вместе со свойственными им культурными традициями. Научно-технический прогресс и экономический рост привели к новому качеству жизни в модернизированных странах, обеспечили постоянно повышающийся уровень потребления и медицинского обслуживания, увеличили среднюю продолжительность жизни. Но В.С. Стёпин далек от безоблачной эйфории. Не без грусти он замечает, что еще во времена «холодной войны» мало кто полагал, что именно техногенная цивилизация приведет человечество к глобальным кризисам, когда оно окажется буквально на пороге самоуничтожения.

Философ-гуманист отмечает, что до XX столетия человечество почитало себя *бессмертным*. В войнах и конфликтах могли исчезнуть государства, погибнуть отдельные народы и культуры, но все же человечество оставалось и продолжало свою историю. Теперь же возникла парадоксальная ситуация: наращивая технологическую мощь, человечество становится заложником адских орудий массового уничтожения, которые оно само изобретает. Другой, не менее важной проблемой является нарастающий экологический кризис. Наконец, биологическому роду *homo sapiens* угрожает антропологический кризис, выражающийся в патологических изменениях генофонда человечества вследствие искусственного ослабления факторов естественного отбора. Возможности генетического изменения человека, предлагаемые наукой, сопрягаются с не менее опасными перспективами манипулирования его психикой. Техногенная цивилизация открывает новые зоны риска, и нет никаких оснований считать, что будут получены только благоприятные последствия.

¹¹ Урсул А.Д. Путь в ноосферу (Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). М.: Луч, 1993. 275 с.; Он же. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М.: Издат. дом «Ноосфера», 1998. 500 с.

¹² Стёпин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.; Он же Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

В.С. Стёпин видит выход из кризисов, порожденных техногенной цивилизацией, в переходе к *новому типу цивилизационного развития*, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному. Новый тип цивилизационного развития, по мнению академика Стёпина, состоит не в отказе от научно-технического прогресса, а в придании ему *гуманистического измерения*, что, в свою очередь, ставит проблему нового типа научной рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности. Новую рациональность, свойственную посттехногенной цивилизации, Стёпин именуется *постнеклассической*. Смысл гуманистического миража, нарисованного философом-гуманистом, видится в уверенности, что в эволюционной последовательности цивилизаций жестокою техногенную цивилизацию, толкающую человечество к катастрофе, должна сменить посттехногенная гуманистическая цивилизация, способная найти выход из глобального кризиса. Хочется поверить маститому академику, потому что его видение эволюции человечества не только оптимистично, но и опирается на идеологию ноосферы, почти век разрабатываемую отечественными мыслителями. Принимая футурологическую концепцию В.С. Стёпина, не могу не сделать одно дополнение.

Академик В.С. Стёпин, говоря о приоритете гуманистических ценностей в посттехногенной цивилизации, не рассматривает механизм естественной культурно-коммуникационной системы, обеспечивающей трансляцию в социальном пространстве, сохранение в историческом времени и актуальное общественное использование гуманистического достояния цивилизованных наций. Вполне очевидно, что незаменимым ядром этой системы являются институт народного образования и библиотечно-библиографический социальный институт. Этот факт имеет важное значение для определения проблематики библиофутурологии, но Стёпин, к сожалению, не включил библиофутурологию в обширный круг своих научных интересов.

5. Заключение. Мираж библиофутурологии.

Библиофутурология – миражная футурологическая дисциплина, которая отсутствует в циклах библиотековедческих, библиографоведческих, книговедческих научных дисциплин. Вместе с тем только библиофутурология может взять на себя анализ существующих футурологических концепций для того, чтобы более-менее обоснованно определить потребность в библиотеках, библиографии, книжной коммуникации в будущей России. К примеру, с 1 сентября 2013, согласно Федеральному закону № 185-ФЗ от 02.07.2013, *библиотека* в нашей стране понимается как «информационная, культурная, просветительская организация или структурное подразделение организации, располагающие организованным фондом документов и предоставляющие их во временное пользование физическим и юридическим лицам». Это дезориентирующее, архаичное определение библиотеки. Допустим, что в наши дни подобные библиотечные организации существуют, а если заглянуть в будущее общество? В информационном обществе библиотеки, разумеется, будут выполнять информационную функцию, но для этого им не требуется «располагать организованным фондом документов», а достаточно иметь доступ к удаленным информационным центрам с электронной доставкой документов. В свете федерального законодательства НЭБ нельзя считать библиотекой, потому что она не имеет документных фондов и не может предоставлять документы во временное пользование физическим или юридическим лицам. Обществу знаний узаконенные ныне библиотеки не требуются, так как они не удовлетворяют приоритетные для общества этого типа образовательные потребности, ограничиваясь выполнением информационных и культурно-просветительских функций. О постчеловеческом обществе 2045 года нечего и говорить. Приведенный пример не единичен.

Отсутствие библиофутурологических сценариев способствует распространению пессимистических футуриблей отечественных и зарубежных футурологов, утверждающих, что никому не нужна старомодная книжность в XXI веке. Это суждение некритически повторяют широкие народные массы, научная общественность и управляющие культурой чиновники. Смертный приговор библиотекам и библиотечной профессии – ужасная ошибка, усугубляющая кризисы техногенной цивилизации и ставящая под вопрос гуманизацию российского общества. Кто может доказательно и убедительно объяснить необходимость Книги и Библиотеки в двадцать первом веке? Если библиофутурология не даст такого объяснения, его не даст никто. Демистификация

библиофутурологического миража – насущная задача библиотечно-библиографической науки и практики – вот главный вывод моей лекции.